

Документы Государственного архива Иркутской области о святителе Софронии (Кристалевском)

В 2018 году – отмечается 235 лет со дня определения святителя Софрония епископом Иркутским и Нерчинским и 100 лет его канонизации. Указ императрицы Елизаветы Петровны о назначении на Иркутскую епископскую кафедру наместника Александро-Невского монастыря Софрония вышел 23 февраля 1753 г. Свое служение в качестве епископа Иркутского и Нерчинского Софроний начал 20 марта 1754 г. и продолжал вплоть до своей смерти 30 марта 1771 г.

Казалось бы, яркая и активная деятельность Софрония должна была найти отражение в документах учреждений духовного ведомства, хранящихся ныне на хранении в Государственном архиве Иркутской области. К сожалению, это не так. Фонд Иркутской духовной консистории содержит минимальное количество документов, датированных 1754–1771 гг. В основном это Указы Синода, метрические книги, исповедные росписи. Фонды Иркутского Вознесенского монастыря, Иркутского архиерейского дома, церквей города Иркутска за указанные годы также не имеют документов, напрямую свидетельствующих о Софронии. Не обнаружено дел с автографами, перепиской, распоряжениями.

Скудная информация о деятельности епископа выявлена в фонде 50, описи ОЦ, деле № 47 под названием – «Указы императрицы Елизаветы I-й и Синода и записная книжка о поступлении указов и разных доношений, а также и о посылке рапортов в Синод» за 1758 г. Дело сформировано из указов Синода в адрес Иркутской духовной консистории в качестве ответов на донесения, запросы Софрония по различным вопросам. Но даже на основании этих сведений можно выявить некоторые обстоятельства и характерные черты его управления епархией.

По прибытии в Иркутск святитель целиком отдался задаче исправить то, что было упущено за период закрытия кафедры (1747–1753 гг.), после смерти епископа Иннокентия (Неруновича).

Предположительно, в первую очередь он занялся поднятием бытового, материального уровня местных священно-церковнослужителей. В 1754 г. Софроний запросил Синод о «...выдаче недосланной на архиерейскую персону общеположенного на весь архиерейский дом суммой с 1747 по 1753 годы денежного и хлебного жалования с чина...», в результате которого в 1758 г. иркутское духовенство получило жалование, накопившееся за семь лет.¹

В этот же год (1754 г.) Софроний хлопотал «... об укомплектовании Иркутского Богоявленского собора...» дополнительным штатом священно-церковнослужителей с определением им жалования «... из доходов Иркутской провинции...».²

Как свидетельство общей нерешенной проблемы определения жалования служителям приходских церквей может рассматриваться частное дело священника Яндинской церкви, определенного в 1756 г. диаконом в Успенскую церковь Оёкской слободы и возникшая по этому поводу переписка: «...священно-церковнослужителям руги

или земли... поныне не определено, а хотя бы и определено, то чье на единого священника, дьячка и пономаря, чем бы они в пропитание могли себе без нужды содержать...». 29 января 1758 г. была получена промемория Сибирского приказа «...при той церкви оные земли ему Попову из казенных порожней по способности к той слободе земель надлежащее число пашни и сенных покосов при Оецкой канцелярии обвестить немедленно...».³

Забота епископа о простых приходских священниках выражалась и в защите их от произвола светских властей. В 1753 г. в Илгинском винокуренном заводе была совершена кража казенных денег в сумме 2 654 рубля. Следствие, проводимое Илимской воеводской канцелярией, заподозрило, на основании только устных показаний местных жителей, приходского священника Антона Лукина. Он был схвачен, подвергнут допросу с пытками, но вину свою отрицал. Также была арестована вся его семья. Епископ Софроний потребовал передать следственное дело «... в Иркутскую провинциальную канцелярию и рассмотреть с определенным Вашим Преосвященством депутатом, дабы никто из оных не мог напрасно быть истязаем ...»⁴. Софроний указывал на отсутствие веских доказательств вины священника, несоответствие в показаниях свидетелей и применении светского законодательства к духовному лицу. В результате переписки с Синодом он добился, чтобы в случае привлечения духовного лица к ответственности власти ставили в известность епископа и в светских судах все вопросы решались при наличии депутата от духовенства.

С целью организации миссионерской деятельности епископ Софроний устраивал миссионерские станы, давал пространные наставления миссионерам, сам лично совершал многочисленные миссионерские поездки. Для непосредственного знакомства с духовенством обширной Иркутской епархии он посетил такие отдаленные ее города, как Нерчинск, Якутск, Киренск.

В 1758 г. преосвященный Софроний повторно совершил поездку за Байкал по обозрению епархии. Для этой миссионерской поездки «... когда Ваше Преосвященство сам со служителями своими поедет для посещения своей епархии или от себя кого пошлете в жилища тамошних идолопоклонников [идолопоклонников] для проповеди Слова Божия и призывания к крещению, а прежде воспринявших подтверждения их вере ...» «... из доходов Иркутской канцелярии на счет экономической суммы ...» были выделены прогонные деньги для поездки и определен состав сопровождающих епископа. Сам Софроний со свитой и со служителями – занял 12 подвод, архимандрит со свитой и служителями – 6 подвод, игумен со служителями – 3. К сожалению, документ не называет имен сопровождающих. В документе нашло отражение известная скромность Софрония: «...ездили с небольшой свитой и без лишних людей, без которых обойтись можно будет... Дабы оттого тамошним обывателям напрасного изнурения и лишнего отягощения не приключалось ...».⁵

Миссионерская деятельность в Якутии имела определенные успехи (так, в Верхневилуйском зимовье Николаевской церкви в 1755–1756 гг. «... якутского инородческого народов мужеского и женского полу просвещено святым крещением более двух тысяч человек, которые просят для моления святыя образы ...»⁶, но при этом была сопряжена с рядом трудностей, связанных, прежде всего, с обширностью территории и разбросанностью новокрещенных инородцев по отдаленным улусам.

Проблема, которую, в частности, взялся решить Софроний, была связана с необходимостью обеспечить новокрещенное население в достаточном количестве

святыми образами. С этой целью мастерские люди (художники-иконописцы) Иркутска и Якутска получили заказ писать образы для отправки в Якутию и в другие миссии. Другой насущной проблемой было обучение инородческого населения (якутов) русской грамоте. Для ее решения к Николаевской церкви Верхневилуйского зимовья была определена должность учителя, которому положено высокое жалование, как у учителей в ведомстве Камчатской экспедиции.⁷

Для привлечения священников-миссионеров к службе на севере Якутии и на Камчатке и для облегчения им условий проживания было принято решение: «...священнослужителям, находящимся в Камчатском остроге и именно в Большерецком, Нижне и Верхнеанадырском, как проживающих в отдаленных и безхлебных местах ... и при большой дороговизне проживания в той местности ... сверх определенного им денежного жалования отныне давать на каждую семью муки ржаной по двадцать пудов, которые туда отпускать из Охотска на мореходных судах ...».⁸

Но главной задачей епископа Софрония было благоустройство существующих и строительство новых храмов. За его семнадцатилетнее управление епархией увеличилось общее количество храмов, многие деревянные церкви были перестроены в каменные. Главным источником сведений о строительстве и освящении церквей остаются клировые ведомости. При деятельном участии Софрония построены градо-иркутские Благовещенская, Троицкая, Воскресенская (Тихвинская) церкви. Также с его именем связаны строительство или освещение иркутских Крестовоздвиженской, Спасской, Прокопьевской церквей. В Богоявленском соборе в 1764 г. пристроены приделы Иконы Богоматери Казанской и Иоанна Предтечи. Иркутские монастыри Вознесенский и Знаменский при Софронии украсились своими главными храмами: Вознесенский каменный собор был построен в 1759 г., освящен Софронием в апреле 1767 г.; Знаменская церковь заложена в 1757 г., ее главный предел освящен в 1762 г.

Преосвященный Софроний скончался в ночь на 30 марта 1771 г. в своих покоях Архиерейского дома и только 8 сентября 1771 г. последовало распоряжение Синода о предании его земле. Все это время тело оставалось нетленным, что вместе с подвигами христианской добродетели, бывшими у всех на памяти, убедило жителей Иркутска в святости почившего иерарха. Почитание памяти Софрония как угодника Божия началось сразу после кончины.

С раннего времени у гроба преосвященного Софрония начали свершаться чудеса и исцеление больных. Архиепископ Вениамин II (Благонравов) распорядился собирать все данные об исцелениях, последовавших после обращения с молитвами к Софронию. Сведения об излечении страждущих и больных публиковались в «Иркутских епархиальных ведомостях»: «Чудесная помощь по молитвам Св. Софрония»,⁹ «Чудеса по молитвам Блаженного епископа Софрония».¹⁰ В фонде Иркутской духовной консистории имеется дело «Чудесные видения и исцеления от мощей Святителя Софрония (из записок верующей Фоминой Акулины)»¹¹. Записки Акулины Фоминой датированы 1915 – 1917 г., она описывает несколько случаев ее личного исцеления после посещения пещеры епископа Софрония. Пещера была оборудована в 1884 г. на месте склепа святителя в Казанском пределе Богоявленского собора. Площадь пещеры позволяла священнослужителям отправлять панихиды и литии у гроба. Здесь могли находиться несколько человек, пришедших со своими просьбами к Святителю.

В период подготовки необходимых материалов для Синода произошла трагедия – 18 апреля 1917 г. в придельном храме Казанской Божией матери Богоявленского собора

произошел пожар в пещере, уничтоживший гробницу и тело святителя. В фонде «Иркутское епархиальное управление» имеются черновики доклада о пожаре. «... пожар ... вызвал много толков и разговоров, и был предметом расследования судебной власти и особой комиссии со стороны верующих. Однако, несмотря на то, что со времени события прошло более полутора года, верующие до сего времени остались в неведении, выяснили ли расследование причины пожара или это останется тайной ...» Судебные следователи предполагали, что единственной достоверной причиной пожара явилось самовоспламенение лампадного масла в большой неугасимой лампаде, оставленной зажженной без всякого наблюдения у гробницы в ночь на 18 апреля 1917 г. Данные следствия объясняли, что «... горящее масло произвело значительное нагревание медной подставки лампы, ... один из припаянных к ней оловом боковых держателей с медной цепочкой отстал, лампада круто наклонилась на бок над серединой гробницы, горящее масло пролилось на украшения венков и покрывала, которые загорелись. Затем пожар распространился на всю гробницу. ...». На этом заключении следственное дело было прекращено. Автор записки (*имя автора – не установлено*) не согласился с этим заключением. Он указывает, что лампы горели постоянно в течение 20 лет, за ними следили служители собора. Само масло было подвергнуто анализу в химической лаборатории и признано, что по своим свойствам, составу самовоспламенятся, не может.¹²

В копии доклада Отдела Богослужений, проповедничества и храмов о канонизации святителя Софрония, подготовленного преосвященным Феодосией, епископом Смоленским Священному Собору православной Российской церкви замечено, что это событие, совпавшее с днем хиротонии 18 апреля 1753 г., еще более усилило почитание святителя. К его останкам в Богоявленском соборе усилился поток богомольцев, панихиды стали служить 2 раза в день вместо одного. В духовную консисторию поступило большое количество подписных листов с требованием немедленной канонизации усопшего епископа, производился сбор денежных средств на раку – собрано 700 рублей.¹³

Всероссийский Священный Собор определил причислить святителя Софрония к лику святых угодников Божиих. Прославление в Иркутске состоялось 28 июня 1918 г. в Богоявленском соборе, а 30 июня – богослужение в Казанском приделе. Этот день стал официальной датой проведения торжеств в Иркутской епархии. Сохранилось прошение верующих города Иркутска к архиепископу Иркутскому и Верхотленскому Иоанну с просьбой реставрировать и вновь открыть Предтеченский придел Богоявленского собора, который был построен при Софронии. Также верующие просили освятить его «... во имя Святителя и Чудотворца Иркутского Софрония ...».¹⁴ Под прошением стоят 36 подписи. Как известно, в Богоявленском соборе в 1918 г. действительно был открыт Софрониевский придел.

В дневнике настоятеля Иркутской Знаменской церкви священника Петра Попова можно найти сведения о том, что и в советское время, в годы раскола церкви на «тихоновцев» и «обновленцев» почитание святителя Софрония сохранилось. Начиная с 1922 г. по 1927 г. каждые 30 июня в дневнике следует запись о проведении торжеств:

«1922 г. 30 июня. Праздник в честь святителя Софрония, воспоминание прославления его. Собор (старый) вчера и сегодня полон.

1924 год. 30 июня. Православный церковный Иркутск праздновал день святителя Софрония. Не имея возможности собраться около мощей Святителя в старом соборе, собрались в ближайшем храме, Тихвинском. Богомольцев ... полон храм.

Во Владимирском храме 30 июня 1928 г. состоялась торжественная трапеза в день памяти прославления Святителя Софрония. Подробнейший отчет о данном мероприятии, дает представление о масштабах почитания Софрония в годы борьбы с религией. Трапеза была устроена исключительно на пожертвования прихожан. Каждому участнику трапезы было предложено: винегрет с порцией хлеба, кусок пирога из крупчатки с рыбой и кружка кваса, затем чай с 3 кусками сахара и 3 печенья из крупчатки. Такой выдачей было обслужено 700 человек, причем нищей братии обслужено до 600 человек. Остатки трапезы были распределены между больными священнослужителями, переданы в богадельни, психиатрическую лечебницу, женскому корпусу губернского изолятора (тюрьму)».¹⁵

В 1930-е годы мощи святителя Софрония покинули Богоявленский собор и были перевезены во Владимирский храм, который стал новым кафедральным собором обновленческой епархии. В 1938 г. Иркутский горисполком принимает решение о закрытии собора. Решением Президиума Иркутского горсовета от 23 июля 1938 г. помещение Владимирского собора было передано под клуб медицинскому институту, а находившиеся в нем останки святителя Софрония были перенесены в кладовую спецотдела городского Совета.¹⁶ Относительно дальнейшей судьбы останков в архиве имеется еще один документ, датированный 8 октября 1938 г. – это акт о работе комиссии, состоящей из представителей горсовета, горОНО, горздрава, прокуратуры о вскрытии гроба с останками святителя Софрония, проходившей при передаче здания Владимирского собора. При осмотре оказалось: «... гроб деревянный, внутри его находится второй цинковый гроб, опечатанный двумя церковными сургучными печатями и накрыт церковным облачением.

При вскрытии цинкового гроба обнаружен древесный уголь, зола, обгоревшие кости, причем все это содержимое было накрыто ватой. Вследствие того, что содержимое в цинковом гробу никакой музейной ценности не представляет, произвели сожжение содержимого вместе с облачением и деревянным гробом в топке парового отопления Иркутского горсовета.

Цинковый гроб обесформлен, цинк оставлен для технических целей. Что и постановили записать в настоящий акт.»¹⁷

В заключение можно сказать, что, несмотря на небольшое количество источников, о святителе Софронии, хранящихся в ГАИО, почерпнутые из них детали, позволяют составить общую картину его деятельности как епископа Иркутского, определить масштаб народной любви к Святителю и проследить некоторые моменты становления традиции его почитания.

¹ ГАИО Ф. 50. Оп. ОЦ. Д. 47. Лл. 217-218

² ГАИО Ф. 50. Оп. ОЦ. Д. 47. Лл. 88-88об.

³ ГАИО Ф. 50. Оп. ОЦ. Д. 47. Лл. 236-234

⁴ ГАИО Ф. 50. Оп. ОЦ. Д. 47. Лл. 162-163

⁵ ГАИО Ф. 50. Оп. ОЦ. Д. 47. Лл. 248-249

⁶ ГАИО Ф. 50. Оп. ОЦ. Д. 47. Лл. 210-211

⁷ ГАИО Ф. 50. Оп. ОЦ. Д. 47. Лл. 210-211

⁸ ГАИО Ф. 50. Оп. ОЦ. Д. 47

-
- ⁹ ГАИО Иркутские епархиальные ведомости, 1916 г., № 20
- ¹⁰ ГАИО Иркутские епархиальные ведомости, 1915 г. №№ 2, 4
- ¹¹ ГАИО Ф. 50. Оп. 6. Д. 179
- ¹² ГАИО Ф. 485. Оп. 2. Д. 4
- ¹³ ГАИО Ф. 485. Оп. 2. Д. 3
- ¹⁴ ГАИО Ф. 485. Оп. 2. Д. 5. Лл. 1-2
- ¹⁵ ГАИО Ф. 275. Оп. 3. Д. 41
- ¹⁶ ГАИО Ф. Р-504. Оп. ОЦ. Д. 2306. Л. 161
- ¹⁷ ГАИО Ф. Р-275. Оп. 3. Д. 13. Л. 114